

RU

Нарративные стратегии в рассказах Клеменса Й. Зетца

Шастина Е. М.

Аннотация. В статье исследуется творчество современного австрийского писателя Клеменса Й. Зетца (род. 1982) – представителя поколения «новых рассказывающих» с позиций нарратологии. К исследованию привлекается понятие нарративной провокации как аспекта нарративной стратегии. Особое внимание уделяется индивидуальному стилю писателя, особенностям организации нарратива. Цель исследования – проследить влияние нарративной провокации на рецепцию рассказов К. Зетца. Выбор в качестве материала исследования малой прозы писателя позволяет в «сконцентрированной» форме проследить весь инструментарий воздействия автора и/или нарратора на читателя. Научная новизна заключена в том, что до сих пор малая проза Зетца не являлась объектом изучения в отечественном литературоведении. Впервые проведено исследование нарративной организации рассказов Зетца и выявлен их рецептивный потенциал, который предполагает активное вовлечение читателя в создание смысла произведения. В результате исследования установлено, что нарративная стратегия провокации, которая усиливает авторскую интенцию, является доминирующим принципом поэтики рассказов, для которых характерно совмещение традиционного нарратива с приемами модернистской и постмодернистской художественной парадигмы.

EN

Narrative strategies in the short stories of Clemens J. Setz

E. M. Shastina

Abstract. The article examines the work of contemporary Austrian writer Clemens J. Setz (b. 1982), a representative of the “new storytelling” (neue Erzähler) generation, from the perspective of narratology. The study employs the concept of “narrative provocation” as an aspect of narrative strategy. Special attention is paid to the writer’s individual style and the specifics of narrative organization. The study aims to trace the influence of narrative provocation on the reception of Setz’s short stories. Choosing the writer’s short fiction as the research material allows for a “concentrated” observation of the full toolkit of influence exerted by the author and/or narrator on the reader. The scientific novelty lies in the fact that, until now, Setz’s short fiction has not been an object of study in Russian literary criticism. For the first time, the narrative organization of Setz’s stories has been researched, and their receptive potential – which implies active reader involvement in the creation of the work’s meaning – has been identified. As a result of the study, it was established that the narrative strategy of provocation, which enhances authorial intention, is the dominant principle of the poetics of the stories. These works are characterized by a combination of traditional narrative with the techniques of modernist and postmodernist artistic paradigms.

Введение

Литература Австрии первой четверти XXI века представляет очевидный интерес для литературоведов, критиков и читателей далеко за пределами немецкоязычного пространства. Сам факт, что австрийская словесность дала миру в новом тысячелетии двух лауреатов Нобелевской премии по литературе – Э. Елинек (2004) и П. Хандке (2019) – является подтверждением того, что австрийские писатели не только «вписываются» в общеевропейский литературный контекст, но и в целом в мировой литературный процесс, сложный, многослойный и противоречивый, где есть место устоявшимся традициям и новаторским литературным приемам. Австрийским авторам удастся сохранить австрийскую самобытность, не «раствориться в “глобалистской” всеядности и безликости художественной моды» (Белобратов, 2010, с. 540).

Актуальность данного исследования обусловлена рядом факторов. Во-первых, необходимостью исследования австрийской литературы начала нового тысячелетия как самобытного явления не только в контексте европейской литературы, но и в целом мирового литературного процесса. Во-вторых, перспективностью изучения творчества К. Зетца как представителя «новых рассказывающих» с позиций нарратологии. В-третьих, неослабевающим интересом к образу читателя и его роли в формировании смысла художественного текста.

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- определить своеобразие малой прозы К. Зетца;
- проанализировать способы реализации нарративной провокации как аспекта нарративной стратегии в рассказах Зетца;
- проанализировать художественные особенности рассказов, формирующих читательское восприятие.

В качестве материала исследования выбраны рассказы К. Зетца из сборника «Любовь во времена Мальштеттского ребенка» (*“Die Liebe zur Zeit des Mahlstädter Kindes”*), удостоенного в 2011 году приза Лейпцигской книжной ярмарки, и сборника «Отрада округлых вещей» (*“Der Trost runder Dinge”*; перевод на русский язык В. Н. Ахтырской, 2020), вошедшего в шорт-лист Австрийской книжной премии 2019 года.

Теоретическую основу исследования составляют труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные теории повествования (Бахтин, 1975; Тюпа, 2011; 2015; 2018; Шмид, 2003), из которых следует, что понятие «нарративная стратегия» может быть продуктивно использовано в качестве отправной категории при исследовании поэтики художественного произведения, при этом необходимо принимать во внимание нарративную картину мира, нарративную модальность и нарративную интригу (Тюпа, 2011, с. 8-9). Априори форма событийности выступает ключевым признаком нарративности (Шмид, 2003, с. 23-26), а «событие рассказа» и «события рассказывания» (Бахтин, 1975, с. 403-404) помогают проследить реализацию авторского замысла в повествовании. В настоящем исследовании используются две основные характеристики индивидуального стиля анализируемого автора – нарративная стратегия и рецептивная стратегия. Концепция нарративной стратегии призвана направить читательское восприятие на формирование определенного смысла, рецептивная стратегия «подразумевает, что повествование ищет способы соприкосновения с потенциальным реципиентом, проблематизируя изначальные установки его сознания» (Жиронкина, 2024, с. 13). Это означает, что анализ текста с позиций авторской интенции дополняется характером предполагаемой реакции со стороны читателя, которая может отражать «ценностно-смысловую позицию» субъекта, вынужденного принять ее, оставаясь участником события рассказывания («этос наррации») (Тюпа, 2015, с. 16).

Кроме этого, автор статьи обращался к исследованиям, посвященным австрийской литературе в целом (Белобратов, 2010; Bombitz, 2017; Trajektorien..., 2023; Zwischen Einflussangst..., 2017) и творчеству Зетца в частности (Eke, 2020; Jacobsen, 2019; Hermann, 2020; Kastgerber, 2021; Kupczyńska, 2017; Lehmann, 2020; Moritz, 2025; Neuhuber, 2021; Oberreither, 2020; Reichmann, 2017; Schaffers, 2021; Teich, 2025).

Вопрос о своеобразии австрийской литературы в контексте немецкоязычной литературы неоднократно являлся предметом дискуссий в зарубежном литературоведении и отечественной австриистике; в настоящем исследовании мы исходим из того, что австрийская литература – «явление, имеющее особые измерения и ориентиры, однако при этом описывается не в узко локальном контексте, а измеряется мерками литературы европейской, даже мировой» (Белобратов, 2010, с. 519). В методологическом смысле этот подход к австрийской литературе стал отправной точкой настоящего исследования: как любая национальная литература австрийская словесность переживает «собственные кризисы» (Bruchlinien, Krisennarrativen und Weltbilder in der österreichischen Gegenwartsliteratur) (Bombitz, 2017, S. 127) и «собственные конфликты» с литературной традицией (Zwischen Einflussangst..., 2017), что в итоге определяет ее самобытность в выборе пути (Trajektorien..., 2023). Естественно, что названные признаки современной австрийской литературы напрямую связаны с творчеством Зетца – представителем «новой» литературы XXI века (Reichmann, 2017), который в последние десятилетия находится в зоне пристального внимания литературной критики, являясь, по мнению К. Нойхубера, «благодарным объектом для исследования» (*“dankbares Untersuchungsobjekt”*) (Neuhuber, 2021, S. 179), «автором, задающим тон в современной австрийской литературе» (*der Autor als Obertonsänger*) (Eke, 2020). Важными с точки зрения методологии анализа стали для нашего исследования обзорные статьи, посвященные в целом творчеству Зетца (Kastgerber, 2021; Kupczyńska, 2017; Lehmann, 2020; Moritz, 2025), а также исследования, непосредственно касающиеся поэтики его рассказов (Jacobsen, 2019; Hermann, 2020; Oberreither, 2020).

Ранее автором статьи впервые в российском литературоведении была предпринята попытка анализа наиболее значимых романов К. Зетца с позиций нарратологии (Шастина, 2025). Данная работа является логическим продолжением начатого исследования творчества К. Зетца.

Ключевыми методами исследования стали: сопоставительный метод, позволивший определить своеобразие малой прозы Зетца; метод целостного анализа литературного произведения, благодаря которому были выявлены жанровое своеобразие рассказов Зетца, их сюжетно-фабульная организация и языковое оформление, а также нарративный анализ текста, позволивший сделать вывод относительно доминирующей роли нарративной провокации и ее влиянии на рецепцию.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его материалов в практике преподавания зарубежной литературы, при разработке и чтении теоретических и практических курсов, посвященных немецкоязычной литературе; кроме того, результаты исследования могут быть использованы при анализе художественной литературы с учетом их рецептивного воздействия.

Обсуждение и результаты

Австрийский писатель, уроженец Граца, Клеменс Йоханнес Зетц (род. 1982 г.) – заметная фигура в современной немецкоязычной литературе (*ein renommierter und kanonisierter Autor der deutschsprachigen Gegenwartsliteratur*) (Schaffers, 2021, S. 280). Об этом свидетельствуют многочисленные, практически ежегодные,

литературные награды, в том числе одна из самых престижных – премия Георга Бюхнера, которой молодой писатель был удостоен в 2021 году за «поразительную многогранность, энциклопедические знания, богатство поэтического и языкового воображения, радикальную современность» (Urkundentext, 2021). Талант Зетца чрезвычайно разнообразен. Он известен как поэт, переводчик, автор романов, театральных пьес и рассказов. Печататься Зетц начал достаточно рано, уже с 2001 года в журналах публиковались его стихи и короткие рассказы. Началом успешной писательской карьеры принято считать выход в 2007 году романа «Сыновья и планеты» (*“Söhne und Planeten”*), который сразу же обратил на себя внимание. Критики в целом отнеслись благосклонно к восходящей звезде австрийской словесности, но было бы ошибочным утверждать, что все рецензии были однозначно хвалебными. Автора упрекали в чрезмерной увлеченности сюрреалистическими эффектами, излишней мрачности, перегруженностью литературными аллюзиями и цитатами из произведений мировой литературы – от Джойса, Бекетта до Набокова и Чехова. Однако эти «слабые» стороны отдельными литературоведами были выделены в качестве сильных. Отмечалось, что Зетц продолжает традиции австрийских авторов (Ф. Кафка, Э. Канетти, Т. Бернхардт и др.), поскольку для него так же, как и для его предшественников, неизменно важен язык художественного произведения, не только организация сюжета и фабулы – «событие рассказа», но и «событие рассказывания». Зетц, руководствуясь своеобразной «программой литературной инновации» (*ein Programm der literarischen Innovation*) (Kastgerber, 2021), создает свой неповторимый стиль, погружаясь в темные стороны реальности (*Reisen ins Herz der Finsternis*) (Eke, 2020, S. 35). В многочисленных научных работах, посвященных творчеству Зетца, говорится об особенностях организации его нарратива, в котором есть место абсурду и банальности, где автор вступает в игру с реальностью и вымыслом, инсценирует авторское присутствие в тексте, включает в повествование метафизические элементы, где размывается причинно-следственная связь в рассказывании истории и т. д. (Teich, 2025, S. 246).

Весной 2011 года «писательская карьера» Зетца пережила еще один взлет – он был назван «самой молодой надеждой современной немецкой литературы», новым «вундеркиндом», «юной звездой». Сборник рассказов «Любовь во времена Мальштеттского ребенка» окончательно закрепил за Зетцем репутацию «юного гения». Неизменной оставалась похвала в адрес автора, которому удалось задействовать «весь регистр повествования», – он «так же зол, как Набоков», «так же виртуозен, как Дэвид Фостер Уоллес» и т. д. (Munziger-Online-RGL, 2026). Одновременно с комплиментами звучала критика: реакция на малую прозу писателя оказалась еще более неоднозначной, чем рецензии на роман, автора упрекали в искусственном конструировании смысла, далеком от реальности, в банальности и экзальтации. Априори Зетц в совершенстве владеет (пост)модернистскими приемами (игра с читателем, скепсис, ирония, интертекстуальность, совмещение традиционного нарратива и нарративной провокации и т. д.), активно использует их в повествовании, но остается при этом, как ни парадоксально это звучит, автором-реалистом, поскольку его герои в большинстве своем реальные люди с реальными проблемами.

Сборник рассказов «Любовь во времена Мальштеттского ребенка» включает в себя восемнадцать рассказов, в которых описаны на первый взгляд безобидные будни обычных людей, рискующих, однако, выйти из равновесия и перейти границы общепринятого и дозволенного. В заголовках рассказов, как правило, указаны вещи или люди, которые стали своеобразными триггерами: именно вокруг них строится сюжет рассказа (например, «Весы» (*“Die Waage”*), «Визитные карточки» (*“Die Visitenkarten”*), «Труп» (*“Die Leiche”*), «Матери» (*“Mütter”*) и др.). Герои Зетца – обреченные, в силу самых разных обстоятельств, на одиночество люди, но в жизни которых случаются «неслыханные происшествия», сопровождающиеся вторжением иррационального, сюрреалистического, фантастического, безумно гротескного и жуткого: они обитают в жилых комплексах в форме огромных колес обозрения (*“Das Riesenrad”*), или пребывают в абсолютной изоляции на собственной планете (*“Character IV”*), или становятся жертвами сексуального насилия (*“Weltbild”, “Die Blitzableiterin oder Education Sentimentale”*). Подобный «коктейль эмоций» обрушивается на читателя, ведомого фантазиями автора, при этом становится очевидным, что авторский эпатаж нуждается в осмыслении. Кажется, что Зетц проводит некий эксперимент, проверяет читателя «на прочность», управляет его восприятием, провоцирует на самые разные реакции, порой диаметрально противоположные. Автор вводит в сюжет переломные моменты, провоцирует некий хаос в восприятии мира своими персонажами, касается болезненных тем, например связанных с проблемой тела и телесности и, как следствие, поиска собственной идентичности.

Обратимся к открывающему сборник рассказу *“Milchglas”* («Матовое белое стекло»). Строки из заключительного стихотворения *“Atavismo”*, («Атавизм», 1934) из сборника *“Lavorare stanca”* («Тяжелый труд») итальянского писателя и поэта Чезаре Павезе (1908–1950) на языке оригинала помещены перед рассказом в качестве эпиграфа: «Мальчик в темноте не осмелится взглянуть на себя, но он знает: чтоб вырасти мужем, он должен на солнце утонуть и к небесным приучиться взглядам» (Setz, 2011, S. 8). Как и в стихотворении Павезе, герой рассказа Зетца – подросток, который, скрываясь в темноте, наблюдает за миром и мечтает о смелости, чтобы принять свое тело и «утонуть в солнце», то есть стать мужчиной, не боясь взглядов природы и окружающих.

Рассказ начинается с длинного перечисления всего того, что составляет «серые зоны печали, безумия и одиночества» (*“die Grauzonen von Traurigkeit, Wahnsinn und Einsamkeit”*): открытые гаражи, переполненные мусорные баки, сгоревшие телефонные будки и кусты и т. д. (Setz, 2011, S. 9). Автор предстает в образе внимательного наблюдателя, который, полный сочувствия, позволяет Я-нарратору описывать события его взросления на фоне безрадостных будней. Зетц намеренно усиливает гнетущую атмосферу, которая определяет жизнь подростка. Мальчику снятся кошмары (*“Jede Nacht hatte ich Albträume”*) (Setz, 2011, S. 10), во сне он чувствует себя еще более одиноким, чем наяву. Синее пламя сопровождает его по ночам: «Я пытался дать

пламени имя, чтобы оно наконец перестало меня преследовать, но все было бесполезно (перевод наш. – Е. Ш.)» (“Ich versuchte, der Flamme einen Namen zu geben, damit sie mich endlich nicht mehr heimsuchte, aber es half nichts”) (Setz, 2011, S. 10).

Кроме этого, вечные проблемы с засыпанием, возникающие от того, что он не может совладать с собственным телом: «Пальцы оставались бодрствующими до поздней ночи и двигались по покрывалу, словно два нервных паука» (“Die Finger blieben hellwach bis spät in die Nacht und bewegten sich, zwei nervöse Spinnen, über die Bettdecke”) (Setz, 2011, S. 12). Зетц исследует внутренний мир ребенка, который обретает покой только тогда, когда рассматривает свою тайную коллекцию картинок, хранящуюся в голубой коробке под кроватью, на которых изображены сцены пыток, распятия и разные уродства. Это помогает ему бороться с бессонницей. Зетц проникает в потаенные уголки человеческой психики, извлекает оттуда шокирующие подробности, при этом он не обличает своего героя, а, напротив, пытается вызвать у читателя сочувствие.

Мальчик уверен в том, что родителям нет дела до его переживаний, они, как и все взрослые, заняты собой. Детство – безрадостная пора, когда все дети – изгои. Рассуждая о непростых отношениях детей со взрослыми, герой говорит от имени всех детей: меняется перспектива повествования с «я» на «мы»: «Мы не верили ни во что» (“Wir glaubten an nichts”) (Setz, 2011, S. 12). Сборник рассказов пестрит сносками; как и в других произведениях Зетца, здесь много интертекстуальных переплетений, цитат и самореферентных отсылок (среди персонажей встречаются герои его романов, появляются так называемые «сквозные вещи» и т. д.).

Но герой рассказа открывает для себя силу воображения и силу слова: «Я доказал себе, что в моей голове существует выход из повседневного ада» (Setz, 2011, S. 12). Нарративная интрига, поддерживаемая автором на протяжении всего рассказа, «ломает» ожидания читателя, Зетц «подкидывает» читателю разные варианты развития сюжета, оставляя за ним право самому разобраться в происходящих в жизни мальчика событиях. В одной из сцен текста главный герой принимает Святое Причастие: «Над алтарем, очень высоко, было круглое белое окно из матового стекла, на которое я всегда смотрел, когда причащался» (“Über dem Altar, sehr weit oben, gab es ein rundes, weißes Fenster aus Milchglas, das ich immer anstarrte, wenn ich empfang”) (Setz, 2011, S. 15). Появление круглого предмета не случайно, поскольку, как говорится в одном из рассказов из сборника «Отрада округлых вещей», в котором Зетц продолжает разговор на неудобные темы, «утешение, даруемое круглыми вещами, есть что-то, к чему, по счастью, невозможно привыкнуть даже за целую человеческую жизнь» (Зетц, с. 295).

Обратимся к первому из двадцати рассказов сборника «Отрада округлых вещей», который называется «Южная Полевая Лазаретная» (“Südliches Lazarettfeld”). События повествования разворачиваются на одноименной старинной улице в родном городе автора – Граце. Можно предположить, что Я-нарратор претендует на идентичность с автором, который вместе с другими литераторами направляется в Канаду для участия в мероприятиях, инициированных «Австрийским культурным форумом». Априори Зетц иронизирует над происходящим: «сплошные австрийцы в горах Канады» читают друг другу отрывки из своих книг (Зетц, 2020, с. 11). Реальность событий не вызывает сомнений (в числе приглашенных – известный австрийский писатель Норберт Гштрайн), если не замечать «мелочей», создающих атмосферу тревоги и страха. Я-рассказчик отправляется в аэропорт, но вынужден вернуться домой из-за отложенного по неизвестной причине авиарейса. История тривиальна, но «событие повествования» создает условия для включения читателя в игру, задуманную автором. В тексте встречаются сигналы, которые сбивают с толку. Возможное объяснение внутреннего состояния героя: «Чего только не увидишь, когда дует фён!» (Зетц, 2020, с. 13), – не выдерживает проверки, поскольку это не просто предполетный страх. Окружающий мир враждебен, ценностно амбивалентен, он таит опасность, порождая «подавленность и угнетенность». Пассажиры – это друзья по несчастью: женщина, позой напоминавшая «человека, которому предстоит подметать осколки на полу, и потому он безутешен» (Зетц, 2020, с. 14), мужчина с бутербродом, излучавший «истинно немецкую немецкость и безнадежность» (Зетц, 2020, с. 20) и др. Все эти описания настраивают читателя на пессимистический лад, не предвещая ничего хорошего.

Рассказчик превращает попутчиков в персонажей компьютерной игры, многие из которых попали в число «неигровых персонажей» (non-playable characters), они явно не выживут в потенциальной катастрофе, «ни один из них так никогда и не ступит на поверхность Луны» (Зетц, 2020, с. 21). Реальное и виртуальное тесно переплетены: Интернет и вай-фай – это «спасительная» среда; рентген-сканер, пиктограмма, автокоррекция орфографии, монитор, Windows, принтер, клипборд, ноутбуки и гаджеты – обыденные вещи, некоторых из которых рассказчик «оживляет»: старый принтер «бормотал что-то себе под нос, переводил дух и пытался собраться с силами», «его крохотная зеленая душа мигала» (Зетц, 2020, с. 18).

Вещный мир Зетца необычайно разнообразен, он подмечает «неожиданные» мелочи: дятла, измеряющего дереву пульс, шерстяную перчатку, растопырившуюся наподобие выброшенной на берег морской звезды, капюшон, напоминающий воздушный шар, бурую трость дряхлого старика, в которой таятся целые кометы, и др. У рассказчика есть «своя» колокольня, которой «были ведомы самые мрачные его раздумья и самые мучительные фантазии» (Зетц, 2020, с. 13), свой резной деревянный барометр – ему он доверяет больше, чем прогнозам синоптиков, свой уютный мир, в котором «пахнет чем-то давно ушедшим, предпроджественским детским календарем или книжкой о динозаврах» (Зетц, 2020, с. 9). Некоторые предметы «кочуют» из одного рассказа в другой, меняя лишь обстановку и хозяина: так было с перчаткой, которая позднее встречается в рассказе «Квалёйя», необычный барометр читатель видит среди вещей совсем другого персонажа в рассказе «Разделенное горе». Так и Луна, вечная спутница героев Зетца, озаряет их всех своим сиянием.

Округлые предметы – «кругленькие щечки» младенцев, «мячик-попрыгунчик» на гербе островного государства и др. – разбросаны по всему тексту. Диссонансом считаются ироничные замечания: в рентген-

сканере пассажирам надлежит «принять позу библейского пророка» (Зетц, 2020, с. 15), у всех пассажиров «страдальческий облик» (Зетц, 2020, с. 15), за воротами церкви шел дождь – «языческая морось» (Зетц, 2020, с. 22), «братья мои и сестры» (Зетц, 2020, с. 28), «день Святого Михаила» (Зетц, 2020, с. 34). Библейские мотивы встречаются и в других рассказах, например в истории под названием «Младенец Иисус».

В малой прозе Зетца так же, как и в его романах, проявляется специфика постмодернистского художественного сознания с его пародийной интра- и интертекстуальностью, с обилием референций к произведениям мировой литературы, музыкальным произведениям и кинофильмам. Путешествующий писатель не расстаётся с книгами, не случайно, что в его чемодане именно сборники рассказов, отсылка к жанру рассказа: Акутагава, Филип К. Дик, Хебел, Битти, Крахт, Бартельми, Станишич, Клеменс Майер (Зетц, 2020, с. 17), потому что, «мало ли: кто знает, найдется ли в Канаде что-нибудь почитать» (Зетц, 2020, с. 16). В тексте рассказа аллюзии на немецких авторов – Ф. Гёльдерлина, Ф. Шиллера, Р. М. Рильке, Г. Айха, И. Мейер-Рей, упоминаются также Э. Хемингуэй, Дж. Свифт, фильм о Тарзане, картина Брейгеля «Крестьянская свадьба». Подобное обращение к литературным текстам и художественным артефактам указывает на «литературоведческую подготовленность» и эрудированность Зетца, которые необходимы для создания интеллектуальной прозы.

Двойственность ситуации поддерживается тем, что протагонист видит в витрине свое отражение, напомним ему о том, как бодро он играет роль путешественника» (Зетц, 2020, с. 17). Все в этом мире зыбко, расплывчато, человек бессилен перед непредвиденными событиями: «На летнем поле вокруг еще одного самолета суежились крохотные человечки, их усилия я ощущал кожей <...>. Теперь я был Гулливером и превратился в этот огромный летательный аппарат» (Зетц, 2020, с. 29), «передо мною выстроилась сотня человеческих тел» (Зетц, 2020, с. 31).

Парадокс следующих высказываний вносит дополнительные смыслы в текст: «За завтраком мы обычно включали радио, совсем как в Средневековье» (Зетц, 2020, с. 9) или «Мир померк <...> остался лишь конкретный миг бытия» (Зетц, 2020, с. 27). Автор ведет игру не только с персонажами, но и с читателем, подключая его воображение, заставляя задуматься о цикличности времени. Как уже отмечалось выше, нарративные сдвиги характерны для поэтики Зетца, сам автор присутствует в тексте, об этот свидетельствуют мысли относительно писательского ремесла: «Писатель странствует по всему свету, поскольку *не может* прожить на авторские гонорары, а потому превращается в эдакого живого заменителя книги, сидит в аэропортах и так далее, ведь иначе... (курсив автора. – Е. Ш.)» (Зетц, 2020, с. 17), любой автор – художник, черпающий материал из окружающего его мира, поэтому он «*позволил себе выбрать*» (курсив автора. – Е. Ш.) (Зетц, 2020, с. 20) ближайшего соседа, который для писателя лишь объект для наблюдения – некий «живой материал».

На сюжетном уровне события этого рассказа развиваются в хронологической последовательности, кульминация повествования разворачивается ближе к концу истории, читательские ожидания выстраиваются в сторону возможного адюльтера или чего-то подобного, когда муж неожиданно-негаданно возвращается домой, не поставив в известность супругу. Однако авторский нарратив приглашает читателя погрузиться в мир бессознательного, не поддающегося рациональному объяснению. Я-нарратор готовит читателя к развязке, напряжение усиливается, враждебность окружающей реальности накаляется, в ход идут визуальные и ольфакторные ассоциации – вход в дом сопровождается зловонием, которое, однако, не предвещало никакой опасности, хотя смрад становится почти невыносимым. «Повсюду, кто на полу, кто скорчившись у стены, сидели и лежали какие-то незнакомые люди» – «Пучками, пачками, связками» (Зетц, 2020, с. 35). «В квартире жужжали мухи, первые, так сказать, ласточки литургического года. Они оставались невидимыми, но расслышать их было нетрудно» (Зетц, 2020, с. 37). Отчужденность Марианны – жены протагониста – усиливает эффект происходящего: «...этот немыслимый лазарет, разместившийся в нашей квартире, и был ее единственно возможным реальным миром <...> Вне его она жила чужой жизнью» (Зетц, 2020, с. 39). Протагонист покидает ставший совершенно чужим привычный мир, невольно задавшись вопросом: «Может быть, это смерть» (Зетц, 2020, с. 36). А может быть, писатель просто слишком долго закрывал глаза на реальность и жил в мире прекрасной иллюзии, в пресловутой «башне из слоновой кости»? (Jacobsen, 2019). То, что мы предпочитаем не замечать, приходит к нам неожиданно-негаданно. Еще одна версия прочтения этой истории. Открывающий сборник «Отрада округлых вещей» рассказ предьявляет читателю характерные особенности авторского стиля Зетца, построенного на провокации.

Заключение

Предметом исследования выступает понятие нарративной стратегии как фундаментальной характеристики коммуникативного единства сюжетно-повествовательной организации произведения, которая рассматривается на примере малой прозы – рассказов современного писателя Клеменса Й. Зетца – представителя новейшей австрийской литературы начала XXI века. В ходе исследования было выявлено, что для Зетца характерно совмещение традиционного нарратива рассказа как малой прозаической формы и так называемого экспериментального нарратива, который обнаруживает связь с модернистской и постмодернистской художественной парадигмой, для которой типичными являются такие признаки, как фрагментарность, создающая напряжение и недосказанность, «игра» с читателем, приводящая к многообразию точек зрения на одно и то же событие и ощущению нереальности происходящего на фоне многократной смены нарративной инстанции, когда автор и персонаж подменяют друг друга, а нарративная интрига «ломает горизонт ожидания» читателя; при этом ирония и скепсис приводят к определенной дезориентации.

Данное исследование подтверждает мысль о том, что нарративная провокация, которая определяет поэтику романов Зетца, также является доминирующим признаком его рассказов.

В ходе исследования выявлено, что индивидуальный стиль автора определяет характер воздействия на читателя; несомненно, что рецептивный потенциал заключен также в жанровой специфике текста. Выбор в качестве материала исследования рассказов писателя позволяет в полной мере проследить влияние авторской интенции на читателя.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в детальном изучении творчества Клеменса Й. Зетца, а также литературных текстов других современных авторов с позиций воздействия на читателя. Исследование рецептивного потенциала произведений, в которых предпринята провокация читателя, является характерной чертой новейшей литературы, которая нуждается в осмыслении.

Материалы исследования | Research materials

1. Зетц К. Отрада округлых вещей. Рассказы / пер. с нем. В. Ахтырской. СПб.: Симпозиум, 2020.
2. Setz C. J. Der Trost runder Dinge. Erzählungen. Berlin: Suhrkamp Verlag, 2019.
3. Setz C. J. Die Liebe zur Zeit des Mahlstädter Kindes. Erzählungen. Berlin: Suhrkamp Verlag, 2011.

Источники | References

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975.
2. Белобратов А. В. Австрийская литература на исходе XX века. Вместо заключения // История австрийской литературы XX века: в 2 т. / отв. ред. В. Д. Седельник. М.: Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, 2010. Т. 2.
3. Жиронкина Е. С. Рецептивная стратегия как элемент поэтики (на материале романа Дж. Литтелла «Благовоительницы»): автореф. дисс. ... к. филол. н. Казань, 2024.
4. Тюпа В. И. Жанровая природа нарративных стратегий. Лейдермановские чтения: эстетика минимализма // Филологический класс. 2018. № 2 (52).
5. Тюпа В. И. Нарративная стратегия романа // Новый филологический вестник. 2011. № 3 (18).
6. Тюпа В. И. Этнос нарративной интриги // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2015. № 2.
7. Шастина Е. М. Нарративная стратегия провокации в романах Клеменса Й. Зетца // Научный диалог. 2025. Т. 14. № 4. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-4-349-366>
8. Шмид М. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003.
9. Bombitz A. Von Bernhard bis Glavinic. Bruchlinien, Krisennarrativen und Weltbilder in der österreichischen Gegenwartsliteratur // Zwischen Einflussangst und Einflusslust. Zur Auseinandersetzung mit der Tradition in der österreichischen Gegenwartsliteratur. Wien: Praesens Verlag, 2017.
10. Eke N. O. Wider die Literaturwerkstättenliteratur? – Der Autor als “Obertonsänger”. Clemens J. Setz und die Gegenwartsliteratur // “Es gibt Dinge, die es nicht gibt”. Vom Erzählen des Unwirklichen im Werk von Clemens J. Setz / hrsg. I. Hermann, N. Prelog. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2020.
11. Hermann I. “Es gibt Dinge, die es nicht gibt”. Vom Erzählen des Irrealen im Werk von Clemens J. Setz / hrsg. I. Hermann, N. Prelog. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2020.
12. Jacobsen D. Die Jugend wartet in der Zukunft. In Clemens J. Setz’ Erzählungen “Der Trost runder Dinge” bricht das Nicht-Alltägliche in den Alltag ein // literaturkritik.de. 2019. № 6. <https://literaturkritik.de/clemens-setz-der-trost-runder-dinge,25695.html>
13. Kastgerber K. Dinge und Medien bei Clemens J. Setz // dossieronline.at. 2021. № 5.
14. Kupczyńska K. Ohne Rückenwind. Über Kausalität in der Prosa von Clemens J. Setz. 2017. https://www.academia.edu/33802511/Ohne_Ruckenwind_%C3%9Cber_Kausalit%C3%A4t_in_der_Prosa_von_Clemens_J_Setz
15. Lehmann F. Rauschen, Glitches, Non sequitur. Clemens J. Setz’ Poetik der Störung // “Es gibt Dinge, die es nicht gibt”. Vom Erzählen des Unwirklichen im Werk von Clemens J. Setz. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2020.
16. Moritz N. Glitch! Der Taumel der digitalen Lebenswelt bei Clemens J. Setz // Brünner Beiträge zur Germanistik und Nordistik. 2025. Vol. 39 (2).
17. Munzinger-Online-KGL. Clemens J. Setz // Munzinger-Online-KGL (Kritisches Lexikon zur deutschsprachigen Literatur). 2026. <https://www.unisg.ch/de/universitaet/bibliothek/kritisches-lexikon-zur-deutschsprachigen-gegenwartsliteratur/>
18. Neuhuber Ch. Autorschaft, Auto(r)fiktion und Selbstarchivierung in Clemens J. Setz’ Erzählwerk Berlin: De Gruyter, 2021. <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/9783110742503-012/html?lang=de>
19. Oberreither B. Irritation – Struktur – Poesie. Zur Poesie erzählter Welten bei Clemens Setz // Dossier Graz. 2020. https://www.academia.edu/86694439/Irritation_Struktur_Poesie_Zur_Poesie_erb%C3%A4hlte_Welten_bei_Clemens_Setz
20. Reichmann W. Clemens J. Setz // Junge und jüngere Literatur aus Österreich. München: edition text+kritik, 2017.
21. Schaffers U. Grenzverletzungen in “Wohin mit meiner Haut” (2015) und “Zauberer” (2019). Körper der Manipulationen in zwei Texten von Clemens J. Setz // Öffnung – Schließung – Übertritte. Körperbilder in der deutschsprachigen Gegenwartsliteratur. Bielefeld: transcript, 2021.

22. Teich M. Die Semantik des Banalen bei Stifter, Musil, Jirgl und Setz. Eine anthropologisch perspektivierte Erkundung des Belanglosen. Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophie an der Ludwig-Maximilians-Universität München, 2025. <https://d-nb.info/1368777031/34>
23. Trajektorien der österreichischen Gegenwartsliteratur (Beiträge zu Literatur und Medien der Gegenwart). Wiesbaden : Harrassowitz Verlag, 2023.
24. Zwischen Einflussangst und Einflusslust. Zur Auseinandersetzung mit der Tradition in der österreichischen Gegenwartsliteratur. Wien: Praesens Verlag, 2017.
25. Urkundentext. 2021. <https://www.deutscheakademie.de/de/auszeichnungen/georg-buechner-preis/clemens-j-setz/urkundentext>

Информация об авторах | Author information

RU**Шастина Елена Михайловна¹**, д. филол. н., проф.¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет (Елабужский институт)**EN****Elena Michailovna Shastina¹**, Dr¹ Kazan Federal University, Yelabuga¹ shastina@rambler.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 24.04.2026; опубликовано online (published online): 22.05.2026.

Ключевые слова (keywords): австрийская литература; Клеменс Йоханнес Зетц; нарративные стратегии; рецептивная стратегия; Austrian literature; Clemens Johann Setz; narrative strategies; receptive strategy.